Эпистемология

Epistemology

УДК 167.2

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В. С. САЙГАНОВА[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Рассматриваются этапы становления и развития экспериментальной методологии в социальных науках. Междисциплинарный эксперимент характеризуется как тип исследовательской деятельности, основанный на интеграции методов дисциплинарной науки в изучении комплексных проблем природы и общества. Раскрывается значение междисциплинарного эксперимента в эпистемологическом аспекте. В рамках социальной эпистемологии значение междисциплинарного эксперимента рассматривается в его связи с социальным запросом, возможностью получения социально востребованного эффективного знания. Культурно-историческая эпистемология акцентирует внимание на междисциплинарном эксперименте как процессе научного поиска, на экспериментирующем сознании ученых. Подчеркивается эвристичность междисциплинарного эксперимента, его прогностический потенциал и способность выявить непознанное, что приобретает особое значение для понимания особенностей социально-гуманитарного познания в современных условиях трансформации общества.

Ключевые слова: культурно-историческая эпистемология; междисциплинарный эксперимент; постнеклассическая эпистемология; социальная эпистемология; социально-гуманитарное познание; социотехнический эксперимент.

Образец цитирования:
Сайганова ВС. Экспериментальная методология социально-гуманитарного познания: эпистемологический аспект. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2023;2:46–51.
https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-46-51

For citation:
Saiganova VS. Experimental methodology of socio-humanitarian knowledge: epistemological aspect. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;2:46–51. Russian.
https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-46-51

Автор:
Вероника Святославовна Сайганова – кандидат философских наук, доцент; декан факультета философии и социальных наук.

Author:
Veronika S. Saiganova, PhD (philosophy), docent; dean of the faculty of philosophy and social sciences.
saihanava@bsu.by

EXPERIMENTAL METHODOLOGY OF SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE: EPISTEMOLOGICAL ASPECT

V. S. SAIGANOVA[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The stages of formation and development of experimental methodology in the social sciences are discussed in the article. An interdisciplinary experiment is characterised as a type of research activity based on the integration of the methods of disciplinary science in the study of complex problems of nature and society. In social epistemology, the significance of an interdisciplinary experiment lies in its connection with social demand, the possibility of obtaining effective knowledge. Cultural and historical epistemology focuses on the interdisciplinary experiment as a process of scientific research, on the experimenting consciousness of scientists. The heuristic nature of the interdisciplinary experiment, its prognostic potential and the ability to reveal the unknown are emphasised, which is of particular importance for understanding the features of social and humanitarian cognition in modern society.

Keywords: cultural and historical epistemology; interdisciplinary experiment; postnonclassical epistemology; social epistemology; social and humanitarian knowledge; sociotechnical experiment.

Экспериментальный характер науки заключается не только в том, что эксперимент рассматривается как универсальный метод познания и стратегический фактор развития самой науки, но и в том, что экспериментальный подход фундирует способ и стиль научного мышления, изменяет логику, смысл и устройство самого человеческого опыта. Современный этап развития науки характеризуется интенсивными темпами становления общенаучной методологии, что актуализирует феномен междисциплинарного эксперимента в контексте его эпистемологического значения. С одной стороны, научно-познавательная деятельность продолжает сталкиваться с все более сложными объектами природной и социальной реальности, которые нуждаются в целостных подходах к их освоению, с другой – современная наука, являясь практико-ориентированной, создает научной методологии задачу построения интегральной модели сложного объекта с учетом интересов и достижений естественно-научного и социально-гуманитарного знания. Так, обострившиеся в последние годы вопросы медицинских, экологических, энергетических, социально-политических проектов не были решены в рамках монодисциплинарного экспериментального подхода, для этого потребовалось комплексное решение от современной науки. Оказавшись в состоянии тотальной зависимости от собственной результативности, наука последних десятилетий получает новый импульс в понимании междисциплинарного эксперимента и его эпистемологического значения.

Экспериментальная деятельность в социальных науках прошла долгий путь в рамках своего поэтапного становления и развития в исторической динамике научного знания от классической через неклассическую до постнеклассической науки. В классический период социальное познание не могло быть экспериментальным в силу дисциплинарно не организованной науки. Однако еще в XIX в. Э. Дюркгейм в предисловии к работе «Метод социологии» писал, что социология «не обречена оставаться отраслью общей философии, что она способна тесно соприкасаться с конкретными фактами, не превращаясь просто в упражнения в области эрудиции» [1, с. 8]. В этот же период начинают формироваться основы количественных социологических методов, например, современной демографии, но изучение социальных фактов слабо опиралось на социологические теории того времени и, по сути, не носило экспериментального характера. Вместе с тем переход к эмпирическим исследованиям отдельных социальных проблем привел к серьезному методологическому сдвигу в социальном познании.

В неклассический период развития научного знания регламентация классической науки в области методологии и сама научная теория становятся более гибкими, происходит становление экспериментального подхода в социальном познании. В результате институционализации социальные науки начинают присваивать методологию, характерную для естествознания, однако экспериментальная деятельность в социально-гуманитарных исследованиях на данном этапе развития науки была неточной и несистемной, что связано со спецификой объекта исследования. Доминировал технологический подход к изучению общества, который, например, широко применялся в социальной инженерии, прогнозно-проектных социальных технологиях и др. К середине XX в. в социально-гуманитарном познании стала вычленяться собственная специфика использования экспериментального подхода, отличающаяся от эксперимента в естествознании, которая обусловливалась реализацией совместной деятельности исследующих и исследуемых субъектов. Это положило начало новому пониманию эксперимента в науке не только как эмпирической формы познания

действительности, но и как социальной практики в формате социального эксперимента.

На постнеклассическом этапе развития науки в результате не только усложнения объектов исследования, но и межотраслевой экспансии наук, при развитии постпозитивизма и постмодернистских программ социально-гуманитарного знания, в социальных и естественных науках появляется тренд междисциплинарных взаимодействий и междисциплинарного эксперимента. Развитие кибернетики, теории информации, социобиологии, этологии и синергетики существенно увеличило диапазон инструментов исследований в социальных науках и положило начало междисциплинарной методологии [2].

Междисциплинарные исследования в современной философско-методологической литературе зачастую определяются как «специальный тип исследовательской деятельности, предусматривающий интеграцию методов дисциплинарной науки в изучении комплексных проблем природы и общества» [3, с. 37]. Интеграция методов представляется здесь как систематизация концептов и теоретических подходов, которая, не изменяя цели исследования, переориентирует исследовательские интересы и процедуры. Ряд авторов в определении междисциплинарности акцентируют отказ от дисциплинарной ограниченности научных дисциплин через их кооперацию для понимания социального явления, создавая целостное, холистическое видение предмета исследования [4].

Говоря о междисциплинарном эксперименте в аспекте его эпистемологического значения в социально-гуманитарном познании, можно упомянуть социотехнический эксперимент как яркий пример реализации особенно актуализировавшейся в последние десятилетия междисциплинарной методологии. В самом общем виде социотехнический эксперимент представляет собой рекрутинг в собственное поле методов социологии, психологии, социальной философии, теории управления, информационно-коммуникативных технологий и технологий *big data*. По своей природе социотехнический эксперимент междисциплинарен и интегративен, он выводит социально-гуманитарное знание на технический уровень осмысления и позволяет выявить не только описательный, объяснительный, аналитический и прогностический потенциал этого знания, но и зафиксировать его возможности по созданию алгоритма решения социальных задач и их последующей практической реализации [5]. В рамках социотехнического эксперимента осуществляются не только сбор и распространение соответствующей информации, но и актуализируются технологии управления информацией, что подразумевает совместную работу в экспериментальном поле ряда естественнонаучных исследователей, социологов, психологов, инженеров, IT-специалистов и др. Возможность реализации междисциплинарного социотехнического эксперимента вносит коренные изменения в методологию социальных наук. Если традиционные способы получения знания в социально-гуманитарных науках базировались на взаимодействии исследователя и исследуемых, то в социотехническом эксперименте это взаимодействие опосредовано использованием технологий, что позволяет производить научное знание без прямого обращения к гипотезам и без опоры на традиционные познавательные процедуры.

Основное значение здесь имеет анализ больших данных (вычислительные алгоритмы извлечения знаний из экспериментальных данных), результаты которого и формируют новое знание, а далее с помощью математических операций и интерпретационных процедур (аналитика) это знание экстраполируется в будущее, с достаточно высокой степенью вероятности реализуя свой прогностический и практический потенциал.

Все вышеобозначенное ставит вопрос об эпистемологическом значении междисциплинарного эксперимента в социально-гуманитарном познании по-новому. И коль скоро междисциплинарный эксперимент – порождение постнеклассической науки, то и оценивать его возможно с точки зрения постнеклассической эпистемологии.

Если в классическом варианте эпистемология характеризовалась относительным единством и целостностью в поиске и формулировании универсальных характеристик истинного, достоверного знания, то современная эпистемология представляет собой семантическое и методологическое многообразие в понимании знания, истины и содержания самой эпистемологии. Постнеклассическая эпистемология выступает совокупностью разноплановых подходов, каждый из которых претендует на уникальность в объяснении природы знания, его структуры и границ.

К постнеклассическим направлениям эпистемологии, преимущественно в фазе ее становления, с учетом разной степени проявления собственно эпистемологической проблематики относят эволюционную, натурализованную, генетическую, социальную, историческую, культурно-историческую эпистемологию и др. Данные направления предлагают альтернативные подходы к анализу знания, принимая во внимание разные факторы формирования способов познания, познавательных практик и представлений о достоверном знании [6].

Для оценки роли междисциплинарного эксперимента в социально-гуманитарном познании целесообразным будет обращение к современным формам постнеклассической эпистемологии, а именно к социальной, исторической и культурно-исторической эпистемологии. При рассмотрении познания как сложного социального и культурного феномена

данные направления тематически схожи, но разнятся методологически.

Социальная эпистемология описывает современную науку, акцентируя ее включенность во все виды социальных отношений (политические, экономические, правовые и др.) как социального института, подчиненного общественным нормам. Подчеркивая значение социальных условий познания для существования знания в обществе, представители социальной эпистемологии указывают, что «содержание и форма знания социальны от начала до конца» [7, с. 908]. В рамках данного направления научное знание выступает полноправным социальным явлением и имеет ангажированный статус в системе отношений социального производства.

Для социальной эпистемологии значение междисциплинарного эксперимента будет заключаться в его связи с социальным запросом, дальнейшей возможностью получения социально востребованного знания, оцененного с точки зрения общественной значимости, эффективности, результативности и реализуемости.

В аспекте тематики междисциплинарного эксперимента особый интерес представляет историческая эпистемология, так как она не только вписывается в актуальные тенденции философии науки (практический поворот, онтологический поворот, поворот к материальному и др.), но и подчеркивает особую значимость исторических процессов для решения современных задач теории познания. При этом, как отмечают современные российские исследователи, данное направление обращается не к самой истории теории познания, а к истории научных практик, демонстрируя то, как «эпистемологические нормы и принципы происходят из научных практик, порождают новые способы производства знания и новые формы общественной жизни» [8, с. 19]. Историческая эпистемология исследует историю идей как внутренний поиск условий и перспектив собственного исторического развития, однако в то же время историческая эпистемология соединяет «историю идей с историей развития науки и научных практик производства знания» [8, с. 20]. Таким образом, сохраняя философскую рефлексию, историческая эпистемология включает в свое поле эмпирические и экспериментальные практики, отображая то, как эпистемологические нормы и принципы исходят из этих практик и порождают новые способы производства и воспроизводства социально-гуманитарного знания. В аспекте новых способов получения знания культурно-историческая эпистемология обращена не столько в прошлое, сколько в будущее, она позволяет увидеть перспективы философского осмысления общества, науки, культуры. Принимая вызовы современности, культурно-историческая эпистемология показывает значимость культурно-исторических процессов для постановки новых вопросов и формулировки ответов на них о науке, знании, их роли в современном обществе.

Культурно-историческая эпистемология, в отличие от социальной, исходит не просто из социальности науки, она актуализирует культурно-историческую ценность научного знания. Российские исследователи подчеркивают эвристичность культурно-исторической эпистемологии в качестве основы для междисциплинарных исследований. Так, Б. И. Пружинин отмечает, что «культурно-историческая эпистемология акцентирует внимание ученого на историзме его сознания, на его включенности в решение конкретных социокультурных задач и тем самым ориентирует его на расширяющиеся культурные и исторические проекции его работы» [9, с. 140], когда ученый способен усмотреть символические смыслы своих конкретных прикладных результатов. Уникальность культурно-исторической эпистемологии, по мнению ее адептов, и состоит в том, что ее методология может быть представлена не в традиционной форме, а именно в виде рекурсивного списка предписаний и нормативов, так как культурно-историческая эпистемология погружена в саму познавательную деятельность и обнаруживает себя в ходе этой работы как ее важнейшая составляющая.

Таким образом, социальная эпистемология сосредоточивается на результате междисциплинарного эксперимента, а культурно-историческая – на самом процессе междисциплинарного эксперимента, т. е. на экспериментирующем сознании ученых, на живом познавательном ходе научного исследования. Это позволяет увидеть междисциплинарный эксперимент как открытый проект, инновационную культуротворческую деятельность, в ходе которой можно оперировать не только абстракциями и идеализациями для построения объекта исследования, но и метафорами, аналогиями, использовать переносы смыслов и т. д. Например, когда речь идет о междисциплинарном мысленном эксперименте, он рассматривается не только как инструмент проверки теории и гипотез, но и как творческая практика научного сообщества в том числе, соединяющая в себе эмпирику и научное воображение. Значением такого рода эксперимента в его эпистемологическом аспекте является сам процесс, т. е. живая мысль ученых, составляющая культурно-историческую ценность [10]. Эпистемологически важным, например, является понимание культурно-исторических процессов в обществе не как статичных структур для изучения, а как пространств для постоянно возникающих интерпретаций, которые особенно актуальны в момент аналитики. Экспериментирующее сознание ученого хоть и не может элиминировать свою субъективность, но через творческую деятельность способно обеспечить единство культурно-исторического времени и пространства,

реального и воображаемого. Тогда сам процесс такого эксперимента с порождаемыми смыслами, идеями, инсайтами и будет представлять научную ценность с точки зрения культурно-исторической эпистемологии.

Следствием такого понимания экспериментальной методологии является существование особенностей у социальной и культурно-исторической эпистемологии и в отношении к истине. Для культурно-исторической эпистемологии истина самоценна и фундирована ценностями культуры, а не социальными условиями и потребностями. Истина мыслится как культурно-исторический феномен, а стремление к истине является внутренней мотивацией сообщества ученых, которая не навязана социальными институциями. То есть культурно-историческая эпистемология акцентирует процессуальность науки как культурного феномена, допуская некую произвольность мнений ученых, обсуждение и интерсубъективную проверяемость.

В целом культурно-историческая эпистемология может претендовать на право считаться перспективным направлением современных исследований науки, которое включает описание условий генезиса науки, анализ ключевых проблем и разработку новых областей применения теоретических конструкций науки. Данная специфика культурно-исторической эпистемологии хоть и не исключает непредсказуемость результата исследования, наличие рисков, но дает возможность для открытий в исследовании науки, поэтому является наиболее референтной для оценки междисциплинарного эксперимента в современном социально-гуманитарном познании. В рамках культурно-исторической эпистемологии подчеркивается эвристичность междисциплинарного эксперимента, его прогностический потенциал и способность открыть непознанное, что приобретает особое значение в аспекте развития социально-гуманитарного знания в условиях трансформации общества. Развитие экспериментального подхода в социогуманитарных исследованиях может привести к смене парадигмы экспериментальной науки, а именно к переходу к существенно новым способам аналитической работы с информацией.

Таким образом, экспериментальная деятельность в социально-гуманитарном познании может выступать одним из способов получения знаний о социальной, культурно-исторической действительности. Наиболее полно свое значение и потенциал экспериментальная методология проявляет в культурно-исторической эпистемологии. Современная культурно-историческая эпистемология открыта новым проблематизациям, разработкам исследовательских программ междисциплинарного взаимодействия и конструктивной коммуникации внутри науки, основанной на творческом поиске и признании науки исторической, социальной и культурной ценностью. Именно такая особенность культурно-исторической эпистемологии позволяет ей быть инновационной исследовательской стратегией современного социально-гуманитарного познания в аспекте реализации экспериментальной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Дюркгейм Э. *Социология. Ее предмет, метод, предназначение.* Гофман АБ, переводчик, составитель. Москва: Канон; 1995. 352 с.

2. Сайганова ВС. Эпистемологическое значение междисциплинарного эксперимента в социально-гуманитарном познании. В: Щедрина ТГ, Пружинин БИ, редакторы. *Кто в науке Шерлок Холмс? Парадоксы экспериментирующего сознания.* Москва: Центр гуманитарных инициатив; 2022. с. 239–247.

3. Гаврилина ЕА. Эксперимент в социально-гуманитарном познании: становление и трансформация. *Философия науки и техники.* 2017;1:30–45. DOI: 10.21146/2413-9084-2017-22-1-30-45.

4. Вознякевич ЕЕ. Трансдисциплинарность и феномен неявного знания. В: Гусаков ВГ, Коваленя АА, Гигин ВФ, Зеленков АИ, Лазаревич АА, Чуешов ВИ и др., редакторы. *Национальная философия в глобальном мире. Тезисы Первого белорусского философского конгресса; 18–20 октября 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Беларуская навука; 2017. с. 101–102.

5. Kroes P. Experiments on socio-technical systems: the problem of control. *Science and Engineering Ethics.* 2016;22(3): 633–645.

6. Сайганова ВС. Историческая эпистемология: истоки и современное состояние. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;3:26–30.

7. Касавин ИТ. Социальная эпистемология. В: Касавин ИТ, редактор. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки.* Москва: Канон+; 2009. с. 908–909.

8. Шиповалова ЛВ. О возможности совместимости историчности и объективности научного знания. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6.* 2012;4:19–23.

9. Пружинин БИ. Знание как ценность: этюд по культурно-исторической эпистемологии. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.* 2014;1:135–141.

10. Микешина ЛА. Мысленный эксперимент, его роль в исторической науке. *Диалог со временем.* 2018;65:35–47.

References

1. Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Gofman AB, translator, compiler. Moscow: Kanon; 1995. 352 p. Russian.

2. Saiganova VS. [Epistemological significance of an interdisciplinary experiment in social and humanitarian knowledge]. In: Shchedrina TG, Pruzhinin BI, editors. *Kto v nauke Sherlok Holms? Paradoksi eksperimentiruyushchego soznaniya* [Who is Sherlock Holmes in science? Paradoxes of experimental consciousness]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; 2022. p. 239–247. Russian.

3. Gavrilina EA. An experiment in socio-humanitarian cognition: genesis and evolution. *Philosophy of Science and Technology.* 2017;1:30–45. Russian. DOI: 10.21146/2413-9084-2017-22-1-30-45.

4. Voznyakevich EE. [Transdisciplinarity and the phenomenon of implicit knowledge]. In: Gusakov VG, Kovalenya AA, Gigin VF, Zelenkov AI, Lazarevich AA, Chueshov VI, et al., editors. *Natsional'naya filosofiya v global'nom mire. Tezisy Pervogo belorusskogo filosofskogo kongressa; 18–20 oktyabrya 2017 g.; Minsk, Belarus'* [National philosophy in the global world. Thesis of the First Belarusian philosophical congress; 2017 October 18–20; Minsk, Belarus]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2017. p. 101–102. Russian.

5. Kroes P. Experiments on socio-technical systems: the problem of control. *Science and Engineering Ethics.* 2016;22(3): 633–645.

6. Saiganova VS. Historical epistemology: origin and current state. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology.* 2020;3:26–30. Russian.

7. Kasavin IT. [Social epistemology]. In: Kasavin IT, editor. *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. Moscow: Kanon+; 2009. p. 908–909. Russian.

8. Shipovalova LV. [On the possibility of compatibility of historicity and objectivity of scientific knowledge]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6.* 2012;4:19–23. Russian.

9. Pruzhinin BI. Knowledge as a value: an essay on cultural-historical epistemology. *Humanities Research in the Russian Far East.* 2014;1:135–141. Russian.

10. Mikeshina LA. [Thought experiment, its role in historical science]. *Dialog so vremenem.* 2018;65:35–47. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.05.2023.
Received by editorial board 10.05.2023.